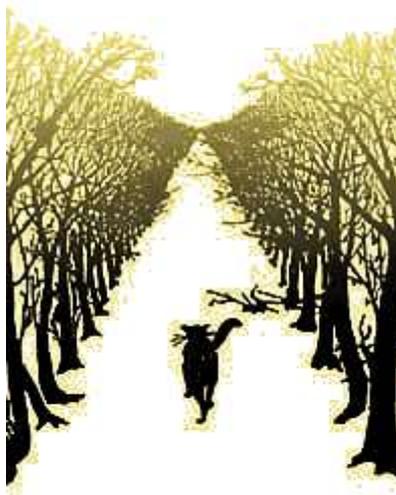

Редьярд Киплинг

КОШКА, КОТОРАЯ ГУЛЯЛА САМА ПО СЕБЕ

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила, где вздумается, и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему при первой же встрече, что ей не нравится его дикая жизнь. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом, на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костёр.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом

вниз и сказала Мужчине:

— Вытирай, милый, ноги, перед тем как войти: ведь теперь у нас хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскалённых камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начинённую диким рисом, дикими яблоками и дикой гвоздикой; потом хрящики диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчина, очень счастливый, пошёл и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было Первое в мире Колдовство, Первая Волшебная Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Но вот топнул дикой ногой Дикий Конь и дико сказал:

— О Друзья мои! О мои Недруги! Чует сердце моё: не к добру засветили Мужчина и Женщина в большой Пещере большой огонь. Нет, это не к добру!

Дикий Пёс задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдём со мною!

— Ну нет, — отвечала Кошка. — Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

— Ну, тогда я тебе не товарищ, — сказал Дикий Пёс и побежал к Пещере во весь дух. Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: «Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по собственной воле». И она тихохонько побежала за Псом, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно всё.

Когда Дикий Пёс подошёл к Пещере, он диким носом приподнял

лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

— Вот, уже пришёл первый. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пёс:

— Скажи мне, о Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с пола кость, и бросила Дикому Псу, и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, отведай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пёс эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до той поры, и он обратился к Женщине с такими словами:

— Послушай, о Враг мой, Жена моего Врага, брось мне скорее другую такую же кость. И отвечала ему Женщина:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, пойдди помоги моему Мужчине ходить за добычей, стеречь эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор, — это очень умная Женщина, хотя, конечно, не умнее меня.

Дикий Пёс забрался в Пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

— О, мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор, — что за глупец этот Пёс!

И она пошла прочь, пробираясь по Дикому Лесу и дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что видела, никому не сказала ни слова.

Проснувшись, Мужчина спросил:

— Что здесь делает Дикий Пёс?

И ответила Женщина:

— Его имя уже не Дикий Пёс, а Первый Друг, и он будет нам другом во веки веков. Как пойдёшь на охоту, возьми и его с собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила её сушиться у огня, и когда пошёл от травы такой запах, как от свежескошенного сена, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость — на широкую, большую лопатку, — снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

То было Второе Колдовство и Вторая Волшебная Песня.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул дикой ногой и сказал:

— Пойду погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пёс не вернулся. Кошка, хочешь, отправимся вместе?

— Нет, — отвечала Кошка, — я, Кошка, брожу, где вздумается, и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокралась за Диким Конём, ступая мягко-премягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно всё.

Услыхала Женщина конский топ, услышала, как пробирается к ней Дикий Конь, наступая на свою длинную гриву, засмеялась и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришёл сюда, а за сеном, за этой вкусной травой.

Дикий Конь, перебирая ногами и наступая на свою длинную гриву, сказал:

— Это правда. Дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дикую голову и носи, что я надена на тебя, — носи, не снимая во веки веков, и трижды в день ты будешь есть эту дивную траву.

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор, — эта Женщина очень умна, но, конечно, не умнее меня.

И нагнул Дикий Конь свою дикую голову, и Женщина накинула на неё только что сплетённую уздечку, идохнул он своим диким дыханием прямо на ноги Женщине и сказал:

— О, моя Госпожа, о, Жена моего Господина, за чудесную эту траву я буду тебе вечным рабом!

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор, — какой он глупец, этот конь!

И снова она бросилась в чащу Дикого Леса, дико помахивая своим диким хвостом. Но обо всём, что слыхала, никому не сказала ни слова.

Когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты, Мужчина сказал:

— А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

— Не Дикий Конь уже имя его, но Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберёшься на охоту, садись на него верхом.

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая и должна была высоко задирать свою дикую голову, чтобы не зацепиться дикими рогами за дикие деревья. Кошка прокралась вслед за ней и спряталась точно так же, как и раньше: и все случилось точно так же, как и раньше; и Кошка сказала то же, что раньше; и когда Дикая Корова в обмен на прекрасную траву обещала Женщине своё молоко. Кошка бросилась в Дикий Лес и дико замахала своим диким хвостом, опять-таки точно так же, как раньше.

И обо всём, что слыхала, никому не сказала ни слова.

А когда Пёс, Человек и Конь вернулись с охоты и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, Женщина

отвечала точно так же, как раньше.

— Теперь не Дикая Корова ей имя, но Подательница Хорошей Еды. Она будет давать нам белое парное молоко во веки веков, и я готова ходить за ней, пока ты, да наш Первый Друг, да наш Первый Слуга будете в лесу на охоте.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы ещё кто-нибудь из диких Зверей пришёл к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать одиноко, самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову. И увидела она в Пещере свет и почуяла запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага! Скажи: не видала ли ты Коровы?

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, ступай себе в Лес подобру-поздорову! Мне больше не надо ни слуг, ни друзей. Я уже заплела мою косу и спрятала волшебную кость.

И ответила Дикая Кошка:

— Я не друг и не слуга. Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе, и вот мне вздумалось прийти к тебе в Пещеру.

И спросила её Женщина:

— Почему в первый же вечер ты не пришла с Первым Другом?

Кошка рассердилась и сказала:

— Должно быть, Дикий Пёс уж наговорил тебе про меня небылиц!

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, Кошка, гуляешь сама по себе и ходишь, где тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе, куда вздумается!

Кошка притворилась обиженной и сказала:

— Неужели мне иной раз нельзя прийти к тебе в Пещеру и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне полакомиться

белым парным молоком? Ты такая умница, ты такая красавица, нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

— Я знаю, что я умница, но что я красавица — не знала. Давай заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь войти в Пещеру.

— А если ты дважды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать, — сказала Женщина. — Но если это случится, приходи и садись у огня.

— А что, если ты трижды похвалишь меня? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать, — сказала Женщина. — Но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до скончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

— Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у Огня, вас я беру в свидетели: запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом. Когда в тот вечер Пёс, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своём договоре с Кошкой, так как боялась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко-далеко и так долго скрывалась в Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о ней. Только Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к тому месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

— А в Пещере — Младенчик! Он совсем, совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

— Отлично, — сказала Кошка. — А что же нравится Младенчику?

— Мягкое и гладкое, — ответила Летучая Мышь. — Как идти спать,

он берёт в ручонки что-нибудь тёплое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и всё, что ему нравится.

— Отлично, — сказала Кошка. — Если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась к Пещере по Дикому Лесу и просидела невдалеке до самого утра. Утром Пёс, Человек и Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стряпнёй. Ребёнок плакал и отрывал её от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапу и погладила Ребёнка по щеке, и замурлыкала, и пошла тереться о его коленку, и хвостом защекотала ему подбородок. Ребёнок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Летучая Мышь — маленькая Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

— О, Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь и как славно она играет с твоим Ребёнком!

— Спасибо Дикой Твари, — сказала Женщина, разгибая спину. — У меня так много работы, а она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду — бух, бух! — падает лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять её, а Кошка уже сидит в Пещере, уселась поудобней и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. Ты похвалила меня — и вот я здесь и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык и села за прялку прясть.

Но Ребёнок заплакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, брыкался и весь посинел от крика.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — послушай, что я тебе скажу: возьми оторви кусочек нитки от той, которую ты прядёшь, привяжи к ней своё веретёнце, и я так наколдую тебе, что Ребёнок сию же минуту засмеётся и будет смеяться так же громко, как плачет теперь.

— Ладно, — сказала Женщина. — Я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

Она привязала к нитке глиняное веретёнце и протянула его по полу, и Кошка побежала за ним, и хватала его, и кувыркалась, и швыряла его себе на спину, и ловила его задними лапами, и нарочно отпускала его, а потом кидалась вдогонку — и вот Ребёнок засмеялся ещё громче, чем плакал; он ползал за Кошкой по всей Пещере и резвился, пока не устал. Тогда он задремал вместе с Кошкой, не выпуская её из рук.

— А теперь, — сказала Кошка, — я спою ему песню, убаюкаю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче, Ребёнок и заснул крепким сном.

Женщина поглядела на них и с улыбкой сказала:

— Это была неплохая работа! Что бы там ни было, всё же ты умница, Кошка.

Не успела она договорить — пффф! — дым от Огня тучами за клубился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор. И когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у тёплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь, ненароком, в третий раз не похвалить эту Кошку.

Но, милый мальчик, она колдовала без звука, без песни, — и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то Крошка-Мышка выскочила из

угла и тихонько забегала по полу.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — это ты вызвала Мышку своим колдовством?

— Ай-ай-ай! Нет! — закричала Женщина, выронила кость, вскочила на скамеечку, стоявшую у огня, и поскорее подобрала свои волосы, чтобы Мышка не взбежала по ним.

— Ну, если ты не заколдовала её, — сказала Кошка, — мне будет не вредно её съесть.

— Конечно, конечно! — сказала Женщина, заплетая косу. — Съешь её поскорее, и я век буду благодарна тебе.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

— Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как — трах! — в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, — треснула пополам, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, глядь, а Кошка уже лакает из одного черепка этой Крынки белое парное молоко.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне трижды в день побольше белого парного молока — во веки веков. Но всё же запомни: я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина и, поставив миску белого парного молока, сказала:

— О Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор наш был заключён, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернутся домой.

— Какое мне до этого дело!? — сказала Кошка. — Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молока, и я буду очень довольна. Никакие Псы, никакие Мужчины

меня не касаются.

В тот же вечер, когда Пёс и Мужчина вернулись с охоты в Пещеру, Женщина рассказала им всё как есть о своём договоре с Кошкой, а Кошка сидела у огня и очень приятно улыбалась.

И сказал Мужчина:

— Всё это хорошо, но не худо бы ей и со мной заключить договор. Через меня она заключит его со всеми Мужчинами, которые будут после меня.

Он взял пару сапог, взял кремнёвый топор (итого три предмета), принёс со двора полено и маленькую секиру (итого пять), поставил всё это в ряд и сказал:

— Давай и мы заключим договор. Ты живёшь в Пещере во веки веков, но если ты забудешь ловить Мышей — посмотри-ка на эти предметы: их пять, и я имею право любой из них швырнуть в тебя, и так же вслед за мною будут поступать все Мужчины.

Женщина услышала это и молвила про себя:

— Да, Кошка умна, а Мужчина умнее. Кошка сосчитала все вещи — они были довольно тяжёлые — и сказала:

— Ладно! Я буду ловить Мышей во веки веков, но всё же я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

— Гуляй, гуляй, — отозвался Мужчина, — да только не там, где я. Попадёшься мне на глаза, я сейчас же швырну в тебя либо сапогом, либо поленом, и так станут поступать все Мужчины, которые будут после меня.

Тогда выступил Пёс и сказал:

— погоди. Теперь мой черёд заключать договор. А через меня договор будет заключён и со всеми другими Псами, которые будут жить после меня. — Он оскалил зубы и показал их Кошке. Если, пока я в Пещере, ты будешь неласкова с Ребёнком, — продолжал он, — я буду гоняться за тобою, пока не поймаю тебя, а когда поймаю тебя, я искусаю тебя. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня во веки веков.

Услышала это Женщина и молвила про себя:

— Да, эта Кошка умна, но не умнее Собаки.

Кошка сосчитала собачьи зубы, и они показались ей очень острыми. Она сказала:

— Хорошо, пока я в Пещере, я буду ласкова с Ребёнком, если только Ребёнок не станет слишком больно таскать меня за хвост. Но не забудьте, я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

— Гуляй, гуляй, отозвался Пёс, — да только не там, где я. А не то, чуть встречу тебя, я сейчас же залаю, налечу на тебя и загоню тебя вверх на дерево. И так станут поступать все Собаки, которые будут жить после меня.

И тотчас же, не теряя ни минуты, кинул Мужчина в Кошку двумя сапогами да кремнёвым топориком, и Кошка бросилась вон из Пещеры, а Пёс погнался за ней и загнал её вверх на дерево — и с того самого дня, мой мальчик, и поныне трое Мужчин из пяти — если они настоящие Мужчины — швыряют разными предметами в Кошку, где бы она ни попала им на глаза, и все Псы — если они настоящие Псы — все до одного загоняют её вверх на дерево. Но и Кошка верна своему договору. Пока она в доме, она ловит мышей и ласкова с детьми, если только дети не слишком больно таскают её за хвост. Но чуть улучит минуту, чуть настанет ночь и взойдёт луна, сейчас же она говорит: «Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе» — и бежит в чащу Дикого Леса, или влезает на мокрые Дикие Деревья, или взбирается на мокрые Дикие Крыши и дико машет своим диким хвостом.

Кошка чудесно поёт у огня,
Лазит на дерево ловко,
Ловит и рвёт, догоняя меня,
Пробку с продетой верёвкой.

Всё же с тобою мы делим досуг,
Бинки, послушный и верный,
Бинки — мой старый, испытанный друг,
Правнук собаки пещерной.

Если, набрав из-под крана воды,
Лапы намочите кошке
(Чтобы потом обнаружить следы
Диких зверей на дорожке),

Кошка, царапаясь, рвётся из рук,
Фыркает, воеет, мяучит.
Бинки — мой верный, испытанный друг,
Дружба ему не наскучит.

Вечером кошка, как ласковый зверь,
Трётся о ваши колени.
Только вы ляжете—кошка за дверь
Мчится, считая ступени.

Кошка уходит на целую ночь.
Бинки мне верен и спящий:
Он под кроватью храпит во всю мочь —
Значит, он друг настоящий!

1902

Перевод стихотворения © С. Я. Маршак

